

Степанъ Александровичъ Хрулевъ.

Съ увѣренностью можно сказать: не будь въ Севастополѣ Хрулева, городъ былъ бы взятъ 6-го іюня 1855 г. Блестящее отбитіе въ этотъ день штурма всецѣло принадлежитъ Хрулеву. Если бы онъ не былъ раненъ 27 августа, едва-ли бы французы торжествовали взятіе Малахова Кургана. С. А. объѣзжалъ пунктуально съ вечера на своемъ бѣломъ конѣ вся батарея Корабельной, гарнизономъ которой онъ командовалъ, отдавалъ прехладнокровно, подъ сильнѣйшими непріятельскими выстрѣлами, приказанія объ исправленіи ночью всѣхъ поврежденій, причиненныхъ батареямъ въ теченіе дня; и на другой день утромъ осматривалъ, все ли исправлено. Сѣрая его шинель была буквально продырявлена пулями, но онъ оставался невредимъ,—словно заколдованный. С. А. уважалъ cadaго храбреца, въ какомъ бы онъ чинѣ ни былъ, или совсѣмъ безъ чина; трусовъ онъ презиралъ, не взирая тоже на чинъ..

Однажды я былъ посланъ къ Хрулеву по дѣлу моимъ полковымъ командиромъ. С. А. жилъ въ то время на береговой батарее, называемой Павловскимъ мыскомъ. Помѣщеніе его состояло изъ одной комнаты, мебелировка которой состояла изъ кровати, дивана, стола передъ нимъ и двухъ простыхъ стульевъ. Вхожу въ комнату и застаю сидящимъ за столомъ на диванѣ командира 2-й бригады 11-й пѣх. дивизіи генерала З.; Хрулевъ стоитъ передъ столомъ и произноситъ, отчеканивая каждое слово:

— Сапатыи же вы генералишка, Ваше Пр-во.

Затѣмъ уходитъ изъ комнаты, беретъ меня подъ руку и идетъ по батарее, которой грозныя морскія орудія величаво выглядывали изъ амбразуръ.

— За что вы, Ваше Пр-во, такъ отдѣлали З.?

— Да какъ же! приходитъ ко мнѣ и объясняетъ, что его разстроенные нервы не дозволяютъ нести службу на батареяхъ, а потому просить дать какое-нибудь другое назначеніе, болѣе покойное. Я ему замѣтилъ, что у меня подъ командой 27.000 штыковъ, и никакими административными мѣстами я не располагаю: развѣ захотите командовать кашеварами! а онъ мнѣ на это:

— Извольте, Ваше Пр-во.

Меня взорвало, и я ему отпустилъ слышанное вами изреченіе.

Я былъ изумленъ: у генерала З. красовался на шеѣ Георгіевскій крестъ, а на боку золотая сабля. Судя по этимъ отличіямъ, крайне удивительно, что съ нимъ случилось. Допускаю разстройство нервовъ и болѣзненное вообще состояніе, но согласиться на ироническое предложеніе Хрулева?—Это совсѣмъ непонятно.

К. Н. Добровольскій.

